

Российская диаспора в области социальных и экономических наук: проблемы и перспективы сотрудничества

Д.С. ПОПОВ, С.В. ТВОРОГОВА, И.И. ФЕДЮКИН, И.Д. ФРУМИН

Исследования российской академической диаспоры получили сегодня значительное развитие. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что большинство работ в этой области направлены на исследование той части диаспоры, которая связана с точными техническими науками, биологией и химией. При этом экономисты, социологи и другие обществоведы остаются «за кадром». На наш взгляд, это несправедливо по ряду причин. Российские экономические, социальные и гуманитарные науки находятся в значительно более тяжелой ситуации, нежели науки точные. Развивавшиеся в советские годы в изоляции, эти дисциплины пытаются наверстать упущенное, но отставание от западных исследователей остается катастрофическим. Привлечение к развитию российской науки специалистов с опытом работы в ведущих международных университетах могло бы дать заметный импульс укреплению этих дисциплин. Вместе с тем, исследователям, работающим в этом поле, для научной работы не требуется ни дорогостоящих оборудования, ни создания отдельной инфраструктуры, что облегчает задачу привлечения специалистов. Возможно, этой ситуацией стоило бы воспользоваться для отработки пилотных моделей взаимодействия между учеными из российских ВУЗов, НИИ и представителями диаспоры. В фокусе настоящего исследования находятся исследователи, представляющие социально-экономические науки: экономику, историю, социологию, политологию, психологию, менеджмент (включая логику), право, философию, образование, коммуникации, международные отношения. Спрос на эти направления подготовки в России остается высоким. Однако не вполне ясно, как наладить международное сотрудничество в условиях ограниченных ресурсов и высокой конкуренции за квалифицированные кадры. В этом отношении изучение возможностей сотрудничества с теми, кто предрасположен к совместной работе с российскими организациями, представляется вполне обоснованным.

Ключевые слова: российская диаспора в области социально-экономических наук, российское научное сообщество, научное сотрудничество

Академические диаспоры: анализ мирового опыта организации сотрудничества

Для сегодняшнего мира характерна высокая и все возрастающая степень мобильности высококвалифицированной рабочей силы. По данным конца 1990-х гг. 23% всех обладателей докторской степени в США родились за пределами страны, а в отдельных дисциплинах этот показатель был даже выше (например, в информатике он составлял 40%).

Отток высококвалифицированных специалистов отмечается и в развитых странах (включая страны ЕС), но в первую очередь он характерен для развиваю-

щихся экономик. Доля выходцев из развивающихся стран, работающих в исследовательских отраслях за рубежом, достигала как минимум трети от всего числа занятых в этих отраслях в самих развивающихся странах [Meyer, Brown 1999; Stephan, Levin 2001; Doctorate Recipients from United States Universities... 2008]. Неудивительно, что проблема оттока высококвалифицированных академических кадров беспокоит правительства многих стран, в том числе, и России. Если первоначально основное внимание в России уделялось именно самому оттоку, то в последнее время все шире обсуждаются перспективы использования работающих за рубежом российских ученых («академической диаспоры»¹) для развития отечественной науки и высшего образования. Подобная смена парадигмы характерна не только для России: в 1990–2000-х гг. на смену концепции «утечки мозгов» пришла концепция «накопления мозгов» или «мозгового банка». Целый ряд теоретических работ подчеркивает возможные положительные последствия успеха эмигрантов за рубежом для страны их происхождения [Beine, Docquier, Rapoport 2001; Mountford 1997; Stark, Helmenstein, Prskawetz 1997; Stark, Helmenstein, Prskawetz 1998; Saxenian 2005].

Существующие подходы к сотрудничеству с диаспорой

Академические диаспоры как ресурс для развития национального высшего образования и исследовательской отрасли привлекают сегодня внимание правительств самых различных стран, в том числе и развитых [Fallon 2008; Guth 2007; Johnson, Regets 1998; Marginson, van der Wende 2007; Musselin 2000; Saint-Paul 2004; Tritah 2008]. Анализ мер, реализовывавшихся различными государствами в этой области, позволяет выделить несколько возможных подходов к проблеме оттока ученых [Lowell 2001]. Во-первых, это подходы, предполагающие воздействие на индивидуальных ученых, от принуждения к возвращению до адресного стимулирования. В прошлом некоторые развивающиеся страны экспериментировали с мерами по физическому ограничению мобильности: например, в Индии существовал де-факто запрет на эмиграцию медицинского персонала. В настоящее время в развивающихся странах (например, Колумбии, Казахстане) существуют программы, предоставляющие стипендии на обучение за рубежом в обмен на обязательство отработать в последующем определенное количество лет на родине; в случае невыполнения обязательства с получателя стипендии взыскивается вся полученная им на обучение сумма. Более интересны меры, направленные на привлечение индивидуальных ученых путем предоставления им специальных грантов на родине и т.д., однако успех таких программ неочевиден. Эти программы не устраняют системных факторов, которые изначально побудили ученого уехать, и поэтому подобные индивидуальные меры, при всей своей дороговизне, не могут гарантировать его долгосрочного удержания в стране. Существует также и проблема «неблагоприятного отбора»: подобные программы привлекают, скорее всего, ученых, у которых менее всего шансов добиться успеха за рубежом.

Второй подход предполагает не воздействие на индивидуальных ученых, а стремление создать в стране более благоприятные условия для исследовательской работы в целом. Сюда относятся меры, как правило, направленные на изменение системы найма и продвижения по карьерной лестнице в высшем образовании; системы оценки качества работы и системы оплаты труда с упором на публикации в международных реферируемых журналах; системы распределения иссле-

¹ В строгом понимании термин «академическая диаспора» предполагает существование не просто совокупности выходцев из данной страны, проживающих за рубежом, но и объединяющих их социальных сетей, которые позволяют использовать соответствующие механизмы распространения и сбора информации.

довательского финансирования; повышение качества постдипломного образования, в целом, и создания благоприятных условий для молодых исследователей, в частности.

Наконец, в-третьих, можно выделить группу подходов, нацеленных на использование академической диаспоры как ресурса для развития (обзор современных подходов и практик представлен, в частности, в сборнике *Diaspora Networks and the International Migration of Skills* [Kuznetsov 2006]). В рамках этого подхода предполагается использование естественной склонности мигрантов к поддержанию контактов с родной страной. Эти контакты становятся каналами для привлечения инвестиций, а применительно к технологическим и академическим диаспорам – для передачи в различных формах ноу-хау и технологий. Эти контакты во многом складываются сами собой, однако правительства и международные организации реализуют также специальные программы по их развитию. В рамках таких программ представители диаспоры привлекаются в качестве временных консультантов во время их краткосрочных визитов на родину – власти в этом случае могут оплачивать их проезд и помогают установлению контактов представителей диаспоры с местными организациями. Другая форма использования академических и технологических диаспор в качестве ресурса предполагает их более долгосрочное привлечение к сотрудничеству, например, в виде участия в совместных с учеными на родине исследовательских проектах; временный проезд на родину (полгода–год) для проведения исследований и преподавания; привлечение в качестве постоянных консультантов/«удаленных»/приезжающих научных сотрудников и преподавателей.

Примером такого подхода может служить политика китайского руководства, представители которого уже в конце 1980-х гг. предлагали рассматривать высококвалифицированную диаспору как «накопление интеллектуального потенциала за рубежом». Начиная с 1994 г., в правительственных документах появляется также концепция «временного возвращения» как приемлемого с официальной точки зрения поведения, совместимого с нормами китайского патриотизма. В 2001 г. лозунг *huiguo fuwu* («возвращайтесь и служите родине») был официально заменен на *weiguo fuwu* («служите родине»), таким образом, подчеркивая, что репатриация не является обязательным требованием. Начиная с этого времени, государственные органы пропагандируют так называемую «модель гантели»: имеется в виду, что подобно гантели, китайский профессионал может иметь две точки опоры – в Китае и за рубежом. Выдвигается также модель «гибкой мобильности», в рамках которой представитель диаспоры может приезжать только когда это нужно/удобно ему и принимающим китайским институтам, а также модель «использования, но не владения», в рамках которой представитель диаспоры сотрудничает с китайским институтом, формально не становясь его работником. Существует достаточно подробная литература о проводимой в КНР политике в отношении академической диаспоры [Brzezinski 1994; Cong, Suttmeier 2001; Chang, Deng 1992; Ma 2007; Liu 2007; Zweig, Chung 2006].

Анализ существующих исследований, посвященных опыту взаимодействия с национальными академическими диаспорами в различных странах, позволяет сделать еще несколько выводов, имеющих прямое отношение к теме настоящего исследования. Во-первых, все чаще встречается точка зрения, что в ряде случаев полное возвращение представителей научной диаспоры на родину не только труднодостижимо, но и нецелесообразно. В частности, в той же КНР высказывается точка зрения, что некоторых наиболее высококвалифицированных представителей академической диаспоры даже и не надо подталкивать к возвращению на родину, так как Китай пока не может себе позволить создать соответствующую их уровню научную инфраструктуру, и поэтому будет продуктивнее, если они останутся пока работать за рубежом. Это связано отчасти

и с тем, что подавляющее большинство стран мира просто физически не смогут себе позволить создание исследовательского университета, способного конкурировать на равных с ведущими мировыми центрами, а значит, и оптимально использовать ведущих ученых-выходцев из этих стран. Более важно, однако, что миграция ученых вообще не может сегодня описываться только в терминах «отъезд – возвращение». На определенных этапах карьеры получение опыта работы в ведущих исследовательских центрах становится необходимым элементом научной карьеры.

Во-вторых, результаты реализуемых программ по возвращению представителей национальных академических диаспор не однозначны. Примеров безусловно успешных программ, по большому счету, нет: наиболее успешными можно считать программы в относительно небольших (по крайней мере, с точки зрения своей академической отрасли) странах, где речь идет в общей сложности о десятках специалистов [MacRae, Wight 2006]. Характерен пример того же Китая, развернувшего самые, пожалуй, масштабные усилия в этой области. Несмотря на значительные вложенные средства, примеров возвращения действительно крупных специалистов есть лишь единицы, и практически во всех случаях речь идет о «полувозвращении» с сохранением институционализированных связей с зарубежными научными центрами².

В-третьих, практика показывает, что с точки зрения привлечения ее к работе на родине, академическая диаспора распадается на два сегмента. С одной стороны, это состоявшиеся ученые, уже начавшие и успешно строящие свою карьеру за рубежом, с другой – это молодые специалисты, только получившие степень PhD и выходящие на глобальный академический рынок труда. (Здесь, впрочем, уместен вопрос насколько их вообще имеет смысл воспринимать как представителей диаспоры). Цели и мотивации представителей этих двух сегментов сильно различаются, как различаются и их реакция на различные программы. Хотя, как уже говорилось, Китаю не удалось привлечь значительного числа крупных ученых-представителей диаспоры, в университетах КНР уже работают сотни специалистов, вернувшихся на родину сразу после получения степени PhD и обладающих определенными «транснациональными навыками» [Transnational capital... 2005].

Наконец, в-четвертых, отдельной темой является проблема интеграции возвращающихся на родину или привлекаемых к сотрудничеству представителей диаспоры. Все более очевидно, что важно не только привлечь представителей диаспоры к сотрудничеству, но и в полной мере использовать их потенциал. Местные академические элиты, вполне предсказуемо, зачастую отторгают «пришельцев» или, наоборот, кооптируют их. Примером относительного успеха в этом отношении опять-таки является Китай, где в некоторых ведущих университетах удалось создать критическую массу преподавателей, получивших степень PhD за рубежом и формирующих новую корпоративную культуру и новые стандарты исследовательской работы. Готовность российской академической среды к сотрудничеству с представителями диаспоры является одной из приоритетных тем для дальнейшего изучения [Transnational capital... 2005]. Негативные примеры, в частности, отмечаются в случае Индии, где академический истеблишмент успешно сопротивлялся «пришельцам» [Jayaram 2007, Khadria 2003, Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora... 2001].

² Например, Пекинский университет и Университет Синьхуа смогли привлечь около 300 преподавателей, получивших степень PhD за рубежом. Однако научный уровень возвращающихся высок не всегда: несмотря на тенденцию к росту числа возвращающихся ученых, есть данные, что лучшие специалисты по-прежнему остаются за рубежом. Согласно одному из исследований, среди 300 ведущих (по таким критериям как престижность их университета, занимаемые должности, получаемые гранты) ученых в области наук о человеке, родившихся в Китае, лишь 5 вернулись в Китай, и ни один из этих пяти не входит в верхние 25% рейтинга.

Сотрудничество с диаспорами: мировая практика

Исследования показывают, что готовность представителей диаспор к сотрудничеству зависит от целого ряда факторов. Например, в случае КНР наименее склонны к контактам с институтами на родине представители диаспоры на средней стадии их научной карьеры, когда они тратят все свои усилия на завоевание позиций и репутации по месту своей основной работы за рубежом. Наоборот, совсем молодые ученые рассматривают все варианты будущей карьеры и потому интересуются и возможностями на родине. Более старшие, заслуженные ученые также интересуются такими контактами, так как они уже завоевали себе репутацию и могут себе «позволить» отвлекаться на такую деятельность: здесь сказываются как альтруизм и желание помочь родине, так и стремление, наоборот, обеспечить себе приток талантливых докторантов из Китая.

По результатам одного из опросов постоянные академические или коммерческие контакты с китайскими институтами есть примерно у 50% представителей диаспоры. Порядка трети опрошенных представителей диаспоры заявили, что у них есть формальные связи с институтами на родине, и 40% из них заявили, что работают там в качестве «специальных преподавателей /исследователей». Показательно, что примерно 5% представителей диаспоры говорят о готовности вернуться в Китай на долгосрочной основе; лишь малая доля представителей диаспоры вообще исключает такую возможность. Исследования начала 1990-х гг. показывали, что ключевым фактором, определяющим готовность или неготовность к возвращению представителей диаспоры в Китае, было восприятие ими политической ситуации на родине и ситуации с правами человека. Исследования начала 2000-х, однако, показывают, что этот фактор перестал быть ключевым, и главным препятствием к возвращению являются опасения непрофессионализма коллег в китайских институтах.

Большое значение диаспорных сетей как канала для трансфера технологий, знаний и навыков, формирования бизнес-контактов к настоящему времени сравнительно хорошо изучено [Kuznetsov 2006; Seguin, Singer, Daar 2006; Meyer, Brown, Mercy 1999; Johnson, Sedaca 2004; Biao 2005]. Студенческие и академические сети подобного типа также способствуют обмену информацией и налаживанию связей, однако их потенциал с точки зрения развития родины более ограничен. Немаловажно и то, что лишь немногие страны имеют достаточно многочисленные когорты своих граждан-ученых за рубежом для формирования диаспор. Уже накопленный опыт показывает, что в академической сфере (в отличие от бизнеса высоких технологий) даже при поддержке государства попытки искусственно создать диаспорные сети и использовать их как инструмент государственной политики весьма часто не приносят ощутимой отдачи.

Российская диаспора в области социально-экономических наук: социальный портрет

На основе данных проведенного нами исследования стало возможным представить первый набросок портрета российской академической диаспоры в области общественных наук и попытаться понять, в какой степени диаспора может стать ресурсом развития высшего образования и науки в России и что необходимо сделать для того, чтобы привлечь ее к сотрудничеству. Учитывая неразработанность данного поля, мы могли предложить лишь самые первые подходы к ответам на эти вопросы. Таким образом, важной задачей было понять мотивы и устремления

работающих за рубежом россиян, обсудить с ними саму идею потенциального сотрудничества и определить готовность к нему.

Данные исследования представлены результатами анкетирования (формализованными интервью) и глубинными интервью с представителями диаспоры. Сбор формализованных интервью проводился по случайной выборке, это был единственно возможный, безальтернативный вариант в условиях размытой генеральной совокупности. В действительности можно лишь гадать, исходя из имеющихся скудных данных tracing-мониторинга, ведущегося несколькими российскими ВУЗами, о реальном размере диаспоры. В этой ситуации проблемой становится не только определение генеральной совокупности, но и простой поиск респондентов. Впоследствии собранные данные проверялись и дополнялись при помощи глубинных интервью.

В этой ситуации исследование было организовано по двум направлениям. Во-первых, был реализован широкий поиск респондентов по базам данных выпускников российских университетов, сайтам зарубежных университетов, через российские зарубежные диаспоры. В результате этого поиска было получено порядка тысячи контактов, каждому респонденту было направлено приглашение заполнить анкету и просьба переслать письмо знакомым людям, которые также работают за рубежом в области социальных и экономических наук. Анкетирование (формальное интервью) проводилось посредством специально созданного веб-портала, каждый респондент мог отвечать на вопросы как анонимно, так и указав свое имя. Было собрано 127 формализованных интервью.

Дополнительным инструментом при изучении российской диаспоры в области социально-экономических наук стали экспертные интервью, т.е. относительно слабо структурированные беседы, основным результат которых – общая картина настроений и мнений изучаемой категории отдельные предложения по возможностям организации сотрудничества. Интервьюируемые представители диаспоры были выбраны из тех, кто заполнил анкету. Интервью проводились по телефону, продолжительность каждого составляла от 30 минут до 2 часов. Всего было проведено 13 фокусированных интервью.

Подавляющее большинство согласившихся участвовать в исследовании – это люди, так или иначе заинтересованные в сотрудничестве с российскими институтами и учеными. На основе полученных данных ни в коей мере нельзя утверждать, что это характеризует настроение в исследуемой общности, просто необходимо учитывать и эту особенность. В конечном итоге именно эта, ориентированная на сотрудничество, часть диаспоры интересовала нас более всего.

Для обоих блоков исследования принадлежность к академической диаспоре определялась по двум основным критериям:

Культурная связь: корни в России или странах бывшего СССР. Рассматривались также потомки иммигрантов, родившиеся за границей, при условии сохранения у них интереса к России. Критерий владения русским языком являлся необязательным.

Профессиональная принадлежность: исследовательская/преподавательская работа в университетах, консалтинговых структурах. Рассматривались как состоявшие исследователи, интегрированные в соответствующее профессиональное сообщество, так и студенты последних лет обучения программ PhD.

Исследовательская анкета, предлагаемая респонденту, включала ряд принципиально важных вопросов для отслеживания образовательных, профессиональных, да и в целом – жизненных траекторий. Ключевые блоки вопросов анкеты были посвящены образованию и профессиональной деятельности респондентов. Так, собирались данные о первом учебном заведении, о месте и времени получения ученой степени, оплате обучения, о поле исследовательской работы и возможной связи этой работы с конкретным регионом, о позиции респондента в своей

организации, частоте смены работы и мобильности, доходах. Другим важнейшим направлением в анкете стали связи и сотрудничество со страной происхождения. Так, респонденту задавались вопросы о наличии друзей и родственников на родине, об опыте сотрудничества с российскими исследователями, возможностях и препятствиях для такого сотрудничества, о гипотетических возможностях переезда в Россию для постоянного проживания и о совместных проектах без перспективы переезда. Последний смысловой блок в анкете состоял из вопросов о семейном положении респондента, наличии детей, гражданстве.

Опрос позволил создать своего рода портрет той части диаспоры в области социальных и экономических наук, которая готова к сотрудничеству и активно ищет его. В конечном итоге, именно эта, ориентированная на сотрудничество, часть диаспоры интересовала нас более всего.

Среди наших респондентов оказалось 60% мужчин и 40% женщин. Лишь 20% из них не состоят в браке. Более восьмидесяти процентов опрошенных перешли порог тридцати лет, 6% относятся к старшему поколению, 10% – молодежь. Более половины опрошенных сохраняют российское гражданство, к ним можно добавить еще 20% ответивших на вопросы анкеты, которые имеют гражданство стран бывшего СССР или двойное гражданство. Обладателей гражданства страны проживания среди опрошенных – менее трети.

Наибольшее количество опрошенных проживают в Канаде и США, примерно пятая часть респондентов постоянно находятся в странах Европы.

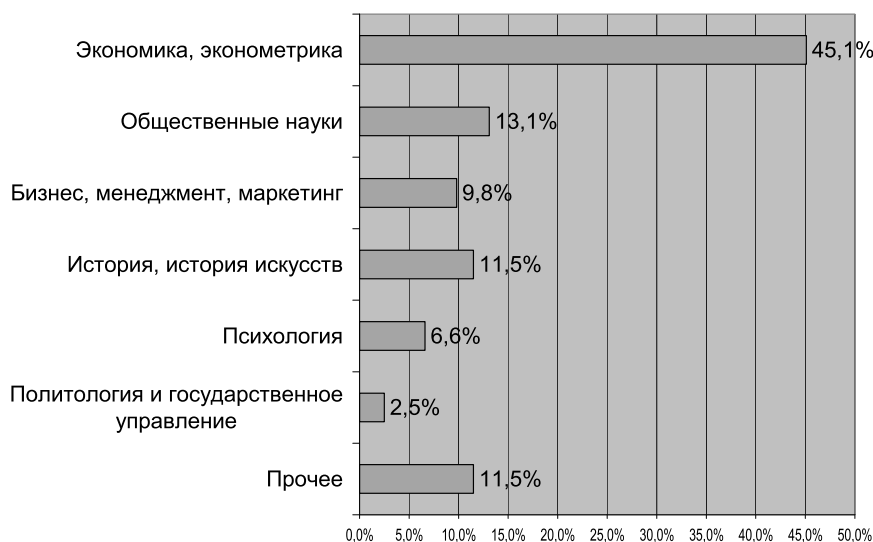

Рисунок 1. Распределение в профессиональной сфере

Прочее: философия, культурология, религиоведение, исследования в области высшего образования и пр.

Около 45% опрошенных занимаются экономикой и эконометрикой (рисунок 1). Подчеркнем еще раз, что исследование проводилось по случайной выборке и эта структура может не соответствовать реальной профессиональной структуре диаспоры в области социо-экономических наук, но характеризует совокупность ответивших – часть диаспоры, всерьез рассматривающую для себя возможность сотрудничества с российскими коллегами и научными институтами. В области общественных наук работают 13% опрошенных, немногим меньше – в областях

исследования бизнеса, менеджмента, где работают десять процентов респондентов. Достаточно большое количество заполнивших анкету представляют гуманитарные науки. Десятая часть опрошенных – историки, несколько меньше политологов и психологов. Оставшаяся часть опрошенных (11,5%) представляет собой разнородную группу, состоящую из представителей множества специальностей, к каждой из этих специальностей относятся менее чем 2% респондентов.

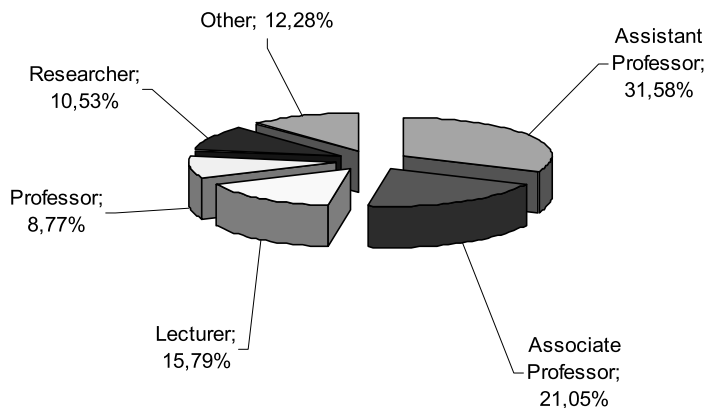

Рисунок 2. Преподавательские должности

Большинство опрошенных занимают преподавательские должности (рисунок 2). Лишь 10% в качестве основной занятости отметили исследовательскую работу. Значительная часть представителей диаспоры находятся на начальной стадии своей научной карьеры, занимая низшие ступени в академической иерархии: на категории *assistant professor*, *lecturer* и *researcher* пришлось около 58% опрошенных. В то же время к категории *associate professor* относится 21% опрошенных, а к категории *professor* – почти 8%. Таким образом, около трети респондентов относятся к категории научно состоявшихся и сделавших успешную карьеру ученых и могут быть весьма ценным ресурсом для модернизации отечественного высшего образования.

Анализ профессиональных стратегий стоит начать с изучения списков учебных заведений, в которых проходили обучение ответившие на вопросы анкеты. Респондентам был предложен вопрос о месте получения первого и второго образования (степени). В полученных данных обращают на себя внимание несколько особенностей. Во-первых, значительное количество немосковских и непетербургских ВУЗов, в которых респонденты получали первое образование. Ряд ВУЗов из городов Центральной России и из республик бывшего СССР стали своеобразным трамплином для переезда за границу. В списке мест последнего образования эти ВУЗы уже не фигурируют, их сменили известные московские, петербургские и сибирские университеты с именем и международными связями, около половины мест в этом списке занимают зарубежные университеты. Здесь любопытен другой факт – в ряде случаев образования ведущих российских ВУЗов оказывается вполне достаточно, чтобы получить академическую должность в Европе или США.

Можно представить общий характер образовательных траекторий, позволивших респондентам найти себя на профессиональном поприще за рубежом. Провинциальные ВУЗы выступают в качестве отправной, начальной точки, затем следует московский или петербургский ВУЗ, а следом – продолжение образования или работа за рубежом. Естественно, есть и исключения, когда, например, «столичного» этапа не существует и происходит прямой переход из российского провинциального ВУЗа к обучению в ВУЗе зарубежном. При этом становится очевидным, что

научной и профессиональной подготовки, полученной в провинциальных ВУЗах, в большинстве случаев оказывается недостаточно для работы за границей.

Большинство ответивших сознательно выбрали получение степени как элемент своей профессиональной стратегии:

- свыше 60% имели полную финансовую поддержку в процессе обучения;
- если в начале обучения (между получением бакалаврской и магистерской степенями) почти половина респондентов работала, то между магистратурой и началом обучения свыше 70% не работали, что позволяет считать, что направление своей карьеры они для себя к этому моменту уже определили.

Позиция *postdoc* среди респондентов оказалась не особенно популярной – почти 80% не воспользовались этой возможностью строить академическую карьеру.

Большинство ответивших интегрированы в академическое сообщество своей страны: 90% работают в университетах, свыше 70% заняты на постоянных позициях (менее 40%) или приближенных к таковым (40%). Как интегрированные в международное сообщество специалисты, половина опрошенных в последние 5 лет была вовлечена в работу за пределами своей страны проживания. Наиболее популярные виды занятости: исследовательская работа (почти 40%), преподавание (почти 30%) и консультирование (свыше 10%).

Таким образом, мы можем говорить о том, что ответившие на вопросы анкеты в большинстве своем – классические ученые, выбравшие данное направление деятельности как наиболее привлекательное и интересное для себя; они находят разнообразные формы использования своих знаний и навыков и стремятся обеспечить наиболее стабильные и привлекательные варианты занятости, т.е. выстраивают полностью рациональные карьерные стратегии с учетом особенностей выбранного сообщества.

В анкету была заложена возможность проверки гипотезы о распространенности разных типов связей с Россией у разных категорий представителей диаспоры. Предполагалось, что связи могут как отсутствовать вовсе, так и варьироваться от общеэмоциональных – друзья, родственники, привязанности – до интенсивно-профессиональных, в которых работа за рубежом в определенной степени зависит от работы в России. Последняя модель предположительно чаще распространена среди тех, кто работает в сфере естественных наук или математики, тем не менее, может быть представлена и в других профессиональных сообществах.

Более восьмидесяти процентов опрошенных имеют в стране происхождения родственников и друзей. Половина респондентов сохраняет контакты с коллегами. За последние 2 года лишь 16% опрошенных ни разу не посещали страну происхождения, при том, что пятая часть заполнивших анкету совершила 1 поездку, а 60% совершили две и более поездки. 2% ответивших заявили, что не хотят иметь никаких отношений с представителями страны происхождения. Четверть респондентов не имеют постоянных контактов в родной стране, но не исключают для себя возможности приобрести их (рисунки 3-5).

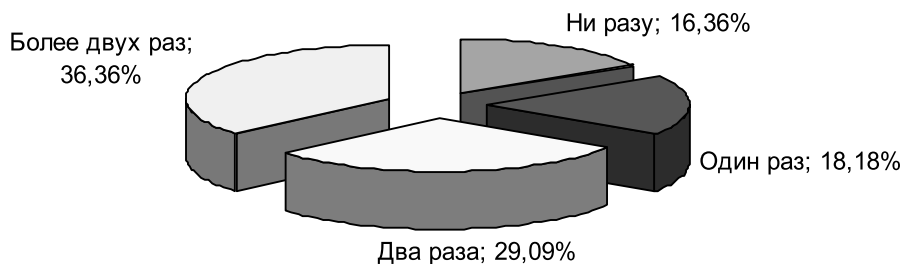

Рисунок 3. Как часто Вы посещали страну происхождения за последние 2 года?

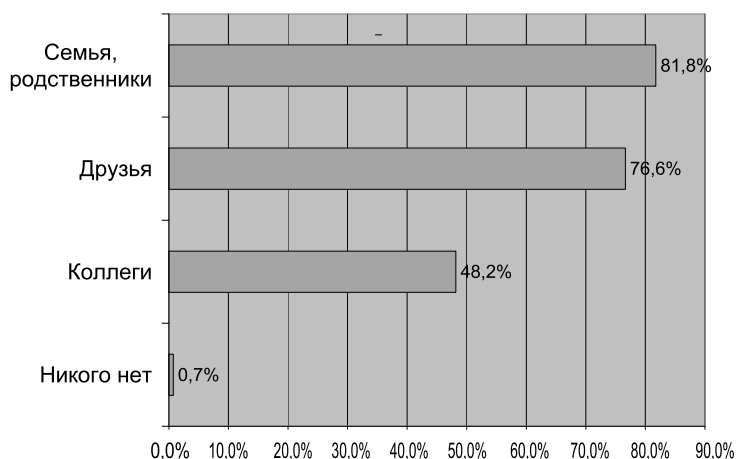

Рисунок 4. Есть ли у Вас связи в стране происхождения?
(возможны несколько вариантов ответа)

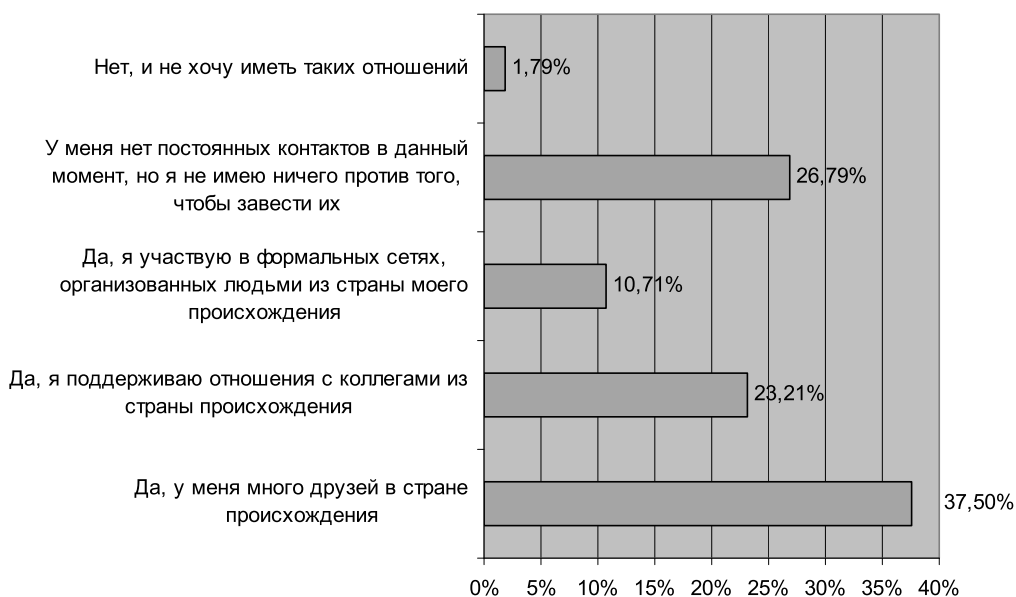

Рисунок 5. Участвуете ли Вы в каких-либо неформальных или формальных социальных сетях с людьми из Вашей страны происхождения?

Опрошенные нами представители диаспоры, в целом, достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими ВУЗами: 58% из них участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Говорят представители диаспоры (несмотря на негативный опыт) и о готовности к продолжению сотрудничества. Вместе с тем, основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в

том, что несмотря на существенные различия, значительная часть российской научной диаспоры в общем и целом готова к сотрудничеству с российскими ВУЗами и даже заинтересована в нем (рисунки 6 и 7).

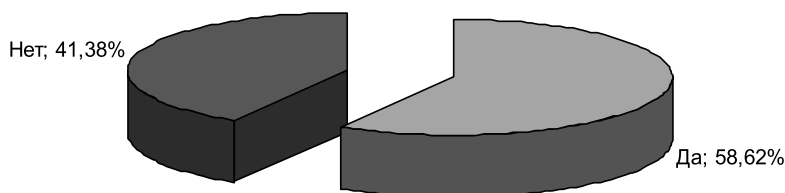

Рисунок 6. Сотрудничали ли Вы с коллегами из России в течение последних 5 лет?

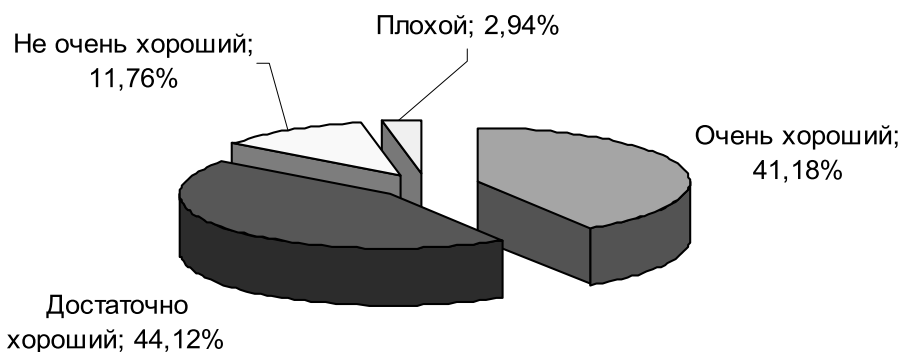

Рисунок 7. Опыт моего сотрудничества с российскими коллегами могу охарактеризовать как...

Это не означает, однако, что они готовы приехать в Россию на постоянную работу: около 40% респондентов не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда адекватной их потребностям (рисунки 8).

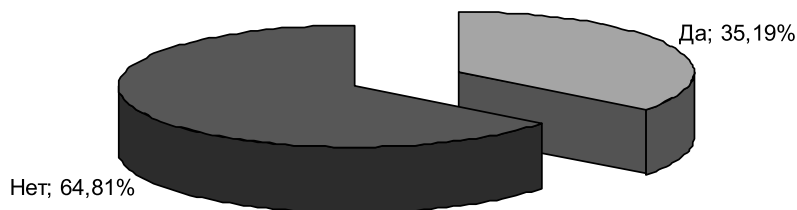

Рисунок 8. Зависит ли Ваше возможное решение о переезде в Россию и работе там от получения значительной прибавки к Вашему доходу?

Исследуемая группа достаточно мобильна. Так, на вопрос «Согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?» более девяносто процентов опрошенных отвечают утвердительно (рисунки 9 и 10). При этом оценки перспектив переезда в Россию более осторожны (рисунки 11).

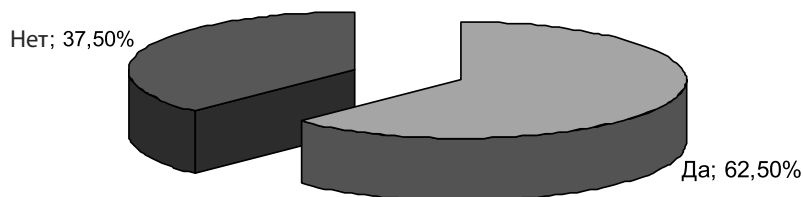

Рисунок 9. **Согласились бы Вы переехать в другую страну, если бы там Вам предложили преподавательскую позицию?**

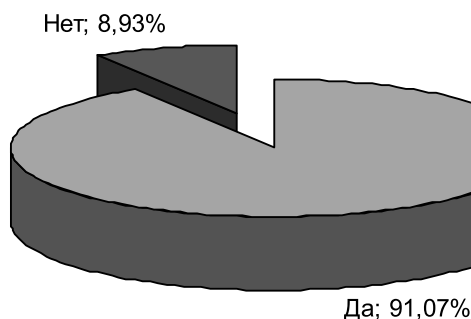

Рисунок 10. **Согласились бы Вы переехать в Россию, если бы Вам предложили там преподавательскую позицию?**

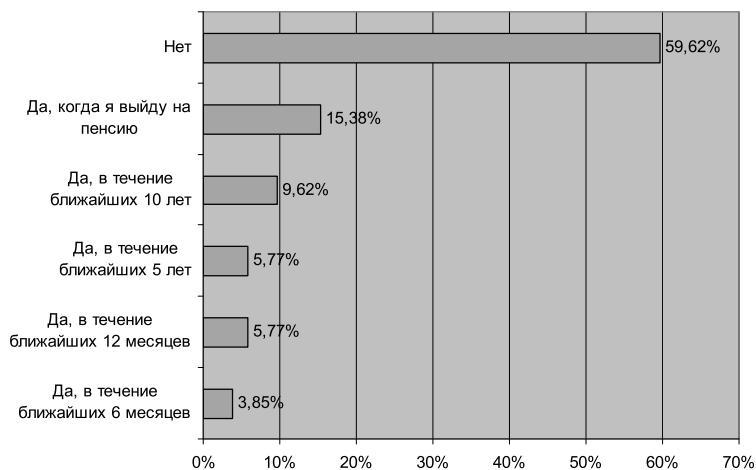

Рисунок 11. **Планируете ли Вы вернуться в страну происхождения?**

Существует целый ряд причин, останавливающих представителей диаспоры при рассмотрении возможностей мобильности в Россию. Можно выделить несколько основных препятствий: это финансовые условия; вопросы, связанные с неблагоприятной средой для проживания в России в целом (включая бытовые условия); отторжение со стороны российских коллег. При этом среди факторов, влияющих на решение переехать в Россию, респонденты чаще всего упоминали неудобную жилую среду (54% ответивших) и недостаток средств для исследований (51%) (рисунок 12).

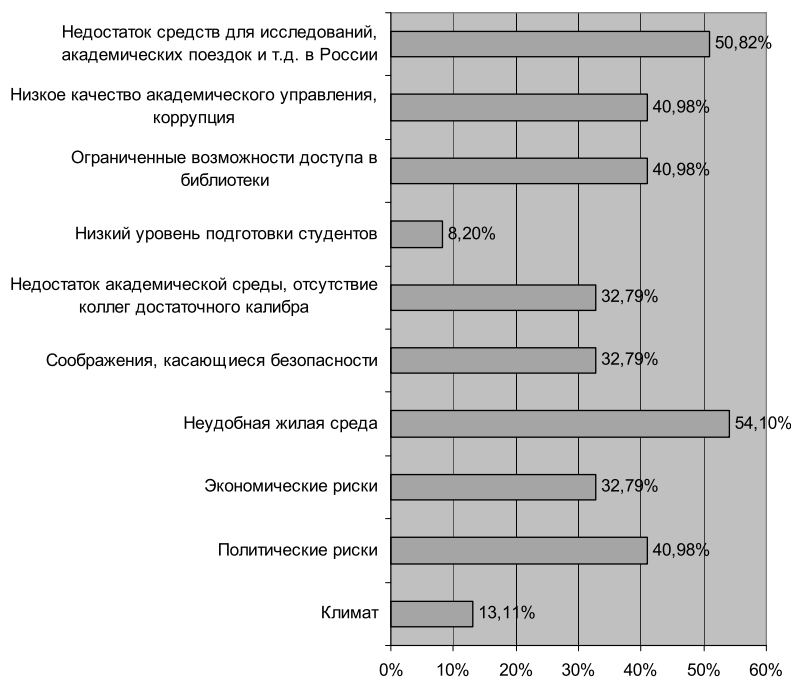

Рисунок 12. Какие факторы могут повлиять на Ваше решение отказаться от поездки в Россию при условии, что там Вам предложена преподавательская работа

Как видно на *рисунке 13*, подавляющее число ответивших ставят во главу угла возможности самореализации, которые могут появиться в том числе и при работе с российскими исследовательскими институтами и коллективами.

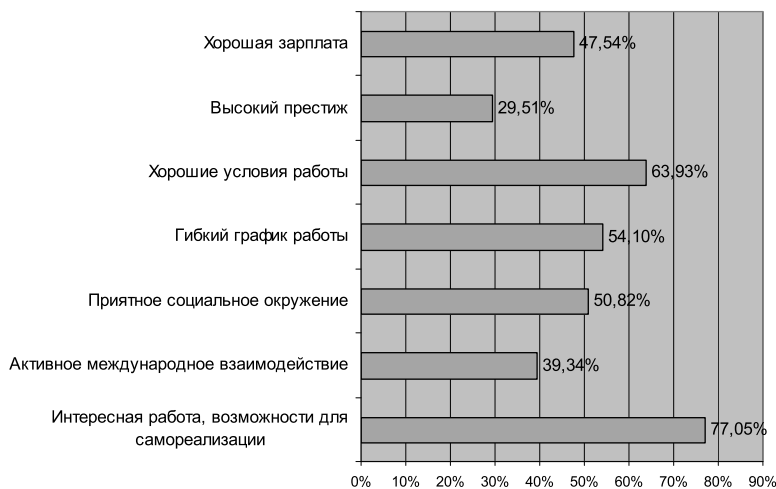

Рисунок 13. Что Вам нравится в Вашей основной работе? (возможно несколько вариантов ответа)

Несмотря на то, что привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподавательские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

Перспективы сотрудничества с российской диаспорой

Для того чтобы описать совокупность проинтервьюированных представителей научной диаспоры, имеет смысл разделить их на несколько категорий, которые, вероятно, прослеживаются не только в области общественных наук, но и в других дисциплинах: это потомки эмигрантов из России; ученые, профессионально сформировавшиеся еще в советское время; и «новое поколение» научной диаспоры – молодые специалисты, заканчивавшие докторантуру за рубежом.

Родившиеся за рубежом потомки российских эмигрантов, как правило, обладают гражданством соответствующей страны. Выбор ими академической карьеры редко связан с их происхождением. При благоприятных условиях они готовы к сотрудничеству с Россией, но сами его редко инициируют. На основании имеющихся данных можно предположить, что активная позиция в отношении совместной работы с Россией чаще характерна для тех, кто активно поддерживает российскую идентичность и интерес к России, что может быть также связано с принадлежностью к религиозным сообществам, дополнительно подкрепляющим подобную идентичность.

Те, кто переехал за рубеж, получив образование в России, часто были интегрированы в российское профессиональное сообщество, что позволяет их считать самой перспективной частью диаспоры с точки зрения выстраивания отношений с российскими коллегами: карьера за рубежом для этой категории исследователей, как правило, продолжение работы, начатой в России. Они часто обладают связями в российском профессиональном сообществе, что означает не только лучшее понимание особенностей его функционирования, но и определенные эмоциональные отношения, привязанности, большую заинтересованность в совместных работах и т.п. Вместе с тем, эти люди к настоящему моменту часто находятся на пике своей карьеры или близки к нему, что означает обилие обязательств, конкурировать с которыми должны предложения российских ВУЗов.

Россияне, получавшие образование за границей, могли до этого также учиться в России или не иметь подобного опыта. Как правило, у них нет связей в российском академическом сообществе, и они с разной степенью интенсивности пытаются эти связи найти. Для тех, кто получал образование за рубежом, особенности работы в российской академической среде неизвестны, у них часто нет связей с российскими центрами и единственной возможностью начать сотрудничество с российскими коллегами для данной категории представителей диаспоры является их собственная активность и направленный поиск вариантов совместной работы.

При разработке программ развития сотрудничества с российской академической диаспорой важно учитывать эту разнородность в том числе и для определения наиболее перспективных каналов распространения информации. Наличие связей – естественное основание для интереса к сотрудничеству с Россией. Напротив, их отсутствие налагает дополнительные требования к предложениям с российской стороны – они должны быть глобально конкурентными. Поэтому представляется важным создать предпосылки к формированию связей с Россией даже для тех, у кого их нет в настоящий момент. Возможные формы: а) организация совместных проектов, б) предложение исследовательских стажировок в России для зарубеж-

ных студентов и аспирантов, в) развитие системы летних и зимних школ, направленных на взаимную интеграцию российских и зарубежных студентов/молодых исследователей.

По результатам исследования можно сделать вывод, что оплата труда во многих случаях не является определяющей при принятии решения о переезде или краткосрочном сотрудничестве. Как уже упоминалось, подавляющее большинство опрошенных – это люди, которых интересует сотрудничество с российскими институтами и исследователями. 60% респондентов уже имели опыт сотрудничества с коллегами из страны происхождения в течение последних пяти лет. При этом, более 80% из них остались довольны сотрудничеством, и лишь 3% отмечают, что сотрудничество было неудачным.

Как представляется, ключевым препятствием становится реальное или кажущееся отторжение со стороны российской академической среды: именно оно, например, в наибольшей степени мешает, по мнению представителей диаспоры, краткосрочным научным контактам, когда представители диаспоры готовы закрыть глаза на недостаточное финансирование, административные сложности и бытовые неудобства.

В изложении представителей диаспоры это отторжение складывается из двух элементов. С одной стороны, их российские коллеги демонстрируют отсутствие интереса к сотрудничеству в принципе, что отражает или их низкие профессиональные качества – сюда относится и низкая квалификация, и ориентация не на проведение научных исследований, а на извлечение коррупционной ренты, общая пассивность и отсутствие интереса и стимулов к исследовательской работе и улучшению качества учебных программ в своих ВУЗах. С другой стороны, даже при наличии такого интереса не умеют выстроить его так, как это принято в западной научной среде – не проявляют инициативы; непунктуально отвечают на письма; стремятся к ненужной институционализации сотрудничества.

Наиболее привлекательными областями для взаимодействия с российскими учеными представители российской диаспоры называют подготовку совместных исследований. Также большинство из них готово сотрудничать в области образования (чтение лекций в российских ВУЗах). Чуть меньше 50% опрошенных заинтересованы в организации и проведении совместных конференций (рисунк 14). В ходе интервью с представителями диаспоры часто упоминались различные проявления отличий российского сообщества от международного – иные формы работы, ориентация на иные результаты и т.п. Также назывались дефицит финансирования научных исследований, порождающий недостаток научных кадров, работающих по международным стандартам.

Готовые к сотрудничеству представители российской диаспоры ориентированы на институты, расположенные в основном в Центральной России. Речь, в первую очередь идет о столичных ВУЗах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге.

Отличия явных и неявных правил организации исследовательской жизни являются серьезным ограничением для развития сотрудничества с российской академической диаспорой (как, впрочем, и с международным академическим сообществом в целом, т.к. рассматриваемая совокупность является его частью). Указанные различия и связанный с ними высокий уровень неопределенности для заинтересованного исследователя извне (не из России) характерны для всего процесса организации совместной исследовательской работы.

По мнению ответивших на анкету и на вопросы интервью представителей диаспоры, российское исследовательское и университетское сообщество характеризуется высоким уровнем информационной непрозрачности: без соответствующих связей сложно выяснить, как функционирует система, оценить привлекательность ВУЗа или исследовательского коллектива. Низкий уровень подготовки человеческих ресурсов, работающих в сфере научных исследований, «кумовщина»,

незначительный объем исследований, дефицит структур, их проводящих, большое значение личных связей являются тем фоном проведения научных исследований в России, о котором говорили представители российской диаспоры.

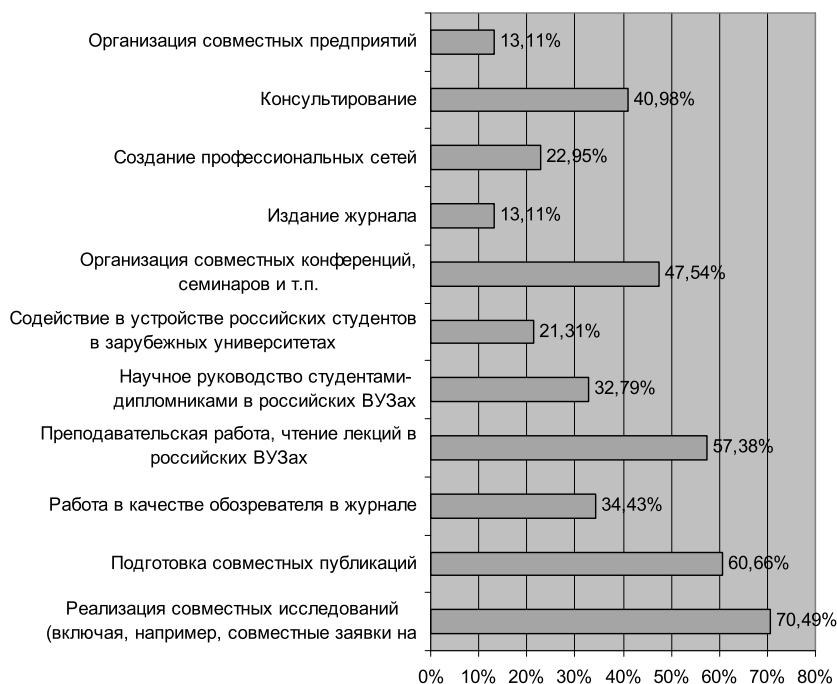

Рисунок 14. **Какие формы сотрудничества могли бы быть Вам интересны?**
(возможны несколько вариантов ответа)

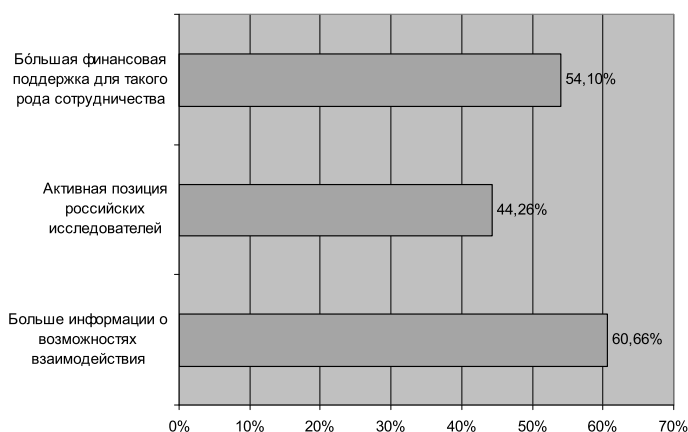

Рисунок 15. **Что Вам необходимо для того, чтобы более активно взаимодействовать с российскими исследователями?**
(возможны несколько вариантов ответа)

Мы видим, что дефицит финансирования научных инициатив, казавшийся основной причиной невозможности плодотворного сотрудничества российских ученых и их коллег, оказавшихся за рубежом, в реальности отступает на второй план (рисунки 15). Основной проблемой, препятствием к сотрудничеству в глазах представителей диаспоры становятся отсутствие информационной поддержки, замкнутость российской академической среды. Отметим, что в ряде случаев эта среда оказывается не готова и отчасти не приспособлена к активному сотрудничеству, что в итоге способно вылиться в открытое сопротивление и неприятие вернувшихся из-за рубежа.

ВУЗы часто стремятся оформить институциональное сотрудничество – с точки зрения российского ВУЗа, это понятный выбор, т.к. подобное сотрудничество обеспечивает дополнительный рыночный сигнал в системе российского высшего образования. Тем не менее, для исследовательской работы оно не требуется, а индивидуального интереса – основного условия совместной деятельности – многие респонденты не наблюдают.

Для представителей диаспоры, ищущих свою нишу в академическом пространстве, важнее получить доступ к интересным темам, данным, позволяющим сделать хорошие публикации и таким образом продвинуть свою карьеру, обеспечить себе признание в академическом сообществе.

Наиболее эффективный способ выстраивания отношений внутри российской системы – использование личных связей. Социальные сети являются универсальным инструментом, помогающим во всех странах, но в условиях дефицита доступной информации их влияние значительно увеличивается. «Человек со стороны» фактически не имеет понятных возможностей вписаться в эту систему.

Расширение информационной поддержки исследовательского сообщества в России способно сформировать дополнительный интерес к тем работам, что ведутся в стране, к перспективам совместных проектов. Информационная поддержка также может решать задачи налаживания понимания, формирования общих смыслов, взаимно понятных идей, что часто оказывается важно, если речь идет о специфических явлениях, характерных для переходной экономики/российской культуры и прочих не всегда понятных внешнему наблюдателю проявлений жизни в России.

Одно из необходимых условий сотрудничества – устойчивое поддержание контактов, обеспечивающее возможность продуктивной совместной работы без постоянного физического контакта – «в удаленном режиме». Эта практика, по мнению многих респондентов, не является распространенной в России, но, тем не менее, для респондентов она представляется привлекательным вариантом для организации совместной работы.

Именно поэтому целесообразно искать мягкие формы вовлечения зарубежных исследователей в совместную работу с российскими коллегами/аспирантами/студентами. Они позволяют усилить информационный обмен между российскими и зарубежными учеными, поддержать приезд в Россию зарубежных исследователей, заинтересованных в работе в стране. Например, необходимы предоставление условий для работы, содействие в обеспечении жилищными условиями, визовая поддержка и т.п., в обмен на которые приехавший с визитом ученый может брать на себя относительно слабо структурированные обязательства – участие в исследовательских семинарах, консультации и т.п.

Договоренность о подобных видах работ, не связанных с такой жесткой нагрузкой, как, например, преподавание, сохраняет условия для полноценной исследовательской работы, важные для приглашенной стороны, обеспечивает основания для развития совместных исследовательских проектов и других форм сотрудничества как преподавателей, так и студентов из заинтересованных российских ВУЗов с зарубежными исследователями, что важно для приглашающих.

Возможным вариантом приглашения зарубежных специалистов на преподавательскую работу может быть организация семестровых визитов, ориентированных на *неоплачиваемую часть регулярного исследовательского отпуска (sabbatical)*.

Заключение

В настоящей работе представлен первый набросок портрета российской академической диаспоры в области социальных и экономических наук. Мы попытались понять, в какой степени диаспора может стать ресурсом развития высшего образования и науки в России, и что необходимо сделать для того, чтобы привлечь ее к сотрудничеству. Учитывая неразработанность данного поля, мы могли предложить лишь наметить подходы к ответам на эти вопросы.

Проведенное исследование позволило выявить несколько основных категорий представителей научной диаспоры, которые, вероятно, прослеживаются не только в области социальных и экономических наук, но и в других дисциплинах: это потомки эмигрантов из России; ученые, профессионально сформировавшиеся еще в советское время; и «новое поколение» научной диаспоры – молодые специалисты, заканчивавшиеся аспирантуру за рубежом.

Опрошенные представители диаспоры, в целом, достаточно критически относятся к состоянию российской науки и высшего образования, но одновременно говорят о наличии у них личных контактов в российской научной среде, определенного опыта сотрудничества с российскими ВУЗами: 59% из них участвовали на протяжении последних пяти лет в совместных проектах с российскими коллегами. Вместе с тем, основной вывод, который можно сделать на основании собранных в ходе данного исследования материалов, состоит в том, что несмотря на существующие препятствия, представители всех категорий российской научной диаспоры за рубежом в общем и целом готовы к сотрудничеству с российскими ВУЗами, и даже заинтересованы в нем.

При этом представители диаспоры отмечают высокий уровень информационной непрозрачности российского исследовательского и университетского сообщества. Более того, сложившаяся система организации работы исследовательского сообщества поддерживает, а порой и стимулирует его закрытость. Для преодоления подобной ситуации целесообразно:

- стимулировать создание исследовательского пространства – информационных ресурсов, систематизирующих исследовательскую активность, проводимую в России для всех заинтересованных в поиске партнерских проектов;
- содействовать повышению прозрачности механизмов организации исследовательской работы в России, т.е. формулировка основных правил в терминах и конструкциях, понятных для внешних потенциальных партнеров. Если разные сообщества говорят на разных языках, целесообразно создать своеобразный «переводчик», позволяющий специалисту, не знакомому с особенностями работы исследовательского сообщества в России, быстро понять ее особенности (например, что можно считать аналогом позиции *postdoc* в России).

Значительная часть опрошенных нами представителей диаспоры (около 40% респондентов) не намерены возвращаться в Россию, даже если им предложат позицию с оплатой труда адекватной их потребностям. С другой стороны, хотя привлечение российских ученых из-за рубежа на постоянную работу на родине представляется весьма трудным (хотя и не невозможным), то участие в совместных исследовательских проектах, написание совместных статей, краткосрочные преподавательские и исследовательские визиты и просто научные контакты вызывают у них большой интерес.

С учетом сходства многих характеристик российской академической диаспоры с международным исследовательским сообществом в целом, можно предложить разработку комплексной программы поддержки мобильности в Россию, учитывающей не только материальные условия работы, но и содержательные, и вопросы престижа.

Подобная программа вместе с повышением информационной прозрачности, о необходимости которого говорилось выше, продвигаемая по целевым каналам информации, способна обеспечить более заметный приток специалистов в области социальных и гуманитарных наук в Россию. Речь идет о расширении исследовательских возможностей: инициировании интересных проектов, предоставлении площадок для проведения пионерных нестандартных исследований. Исследовательская мотивация, стремление получить доступ к малоизвестным или нестандартным данным, является весьма распространенной, по полученным данным, и может быть задействована в качестве элемента системы стимулов к работе в России.

Кроме того, важным представляется обеспечение статусного признания: предложение понятных и привлекательных возможностей построения карьеры, варьирующихся от поддержки краткосрочных проектов – например, чтение курса лекций – до дистанционных форм работы, в т.ч. с помощью технологий дистанционного образования, до полноценных длительных исследовательских проектов. Все это, наряду со значительной информационной поддержкой, способно повысить привлекательность работы в России для тех, кто в ней заинтересован.

Без проведения дальнейших исследований неясно, в какой степени здесь речь идет именно об отторжении, а в какой – о разности культурных кодов, когда нормальное, с точки зрения российских ученых, поведение воспринимается представителями диаспоры как проявление недостаточного интереса. Тем не менее, достаточно ясно, что ключевая проблема сегодня заключается не столько в выявлении представителей диаспоры, информировании их о существующих и ожидаемых возможностях для сотрудничества, и стимулировании их к такому сотрудничеству, сколько в преодолении культурных, институциональных и иных барьеров для такого сотрудничества на уровне российских ВУЗов. Таким образом, говоря об использовании диаспоры в качестве ресурса для модернизации отечественного высшего образования и науки, следует направлять усилия не только (возможно, и не столько) на работу с самой диаспорой, но и на создание необходимых условий для сотрудничества с представителями диаспоры на уровне самих российских ВУЗов.

Литература

- Aghion Ph., Howitt P.* Endogenous Growth Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Aghion Ph., Howitt P.* Appropriate growth policy: a unifying framework, The 2005 Joseph Schumpeter lecture delivered to the 20th Annual meeting of the European Economic Association, 2005.
- Becker G.* Human Capital. NY: Columbia U. Press, 1964.
- Beine M., Docquier F., Rapoport H.* Brain drain and economic growth: theory and evidence // Journal of Development Economics, Volume 64, 1, 2001.
- Bhagwati J. (ed.)* The Brain Drain and taxation II Theory and empirical analysis. Amsterdam: North Holland, 1976.
- Bhagwati J. N., Rodriguez D.* Welfare-Theoretical Analyses of the Brain Drain. Journal of development Economics, 1975, No. 2.
- Biao X.* Promoting Knowledge Exchange through Diaspora Networks (The Case of People's Republic of China), A report written for the Asian Development Bank. ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS), University of Oxford, 2005.

- Brzezinski M. Migration and opportunities: A qualitative understanding of the Chinese student brain drain phenomenon," NAFSA Working Paper, No. 41. Washington, D. C.: NAFSA, 1994.
- Cao C., Richard P. Suttmeier China's New Scientific Elite: Distinguished Young Scientists, the Research Environment and Hopes for Chinese Science, *The China Quarterly*, December 2001, No.168.
- Chang P., Zhiduan D. The Chinese brain drain and policy options. *Studies in Comparative International Development*. Spring, 1992, 27 (1).
- Fallon D. Germany's 'Excellence Initiative', *International Higher Education*, 2008, No 52.
- Guth J. Triggering Skilled Migration: Factors Influencing the Mobility of Early Career Scientists to Germany. *Focus Migration Policy Brief* 6, 2007.
- Jayaram N. Beyond Retailing Knowledge: Prospects of Research-Oriented Universities in India, / Philip G. Altbach and Jorge Balan (eds), *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.
- Johnson J. M., Regets, M. International Mobility of Scientists and Engineers To the US- Brain Drain or Brain Circulation?, *NSF Issue Brief* 98-316, June 22, 1998.
- Johnson B., Sedaca S. Diasporas, Emigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses / Study conducted under the Trade Enhancement Service Sector (TESS) Project under Contract for the U.S. Agency for International Development, Washington, D.C.: Carana Corporation, January 2004.
- Khadria B. Case Study of the Indian Scientific Diasporas, chapter 9 in Paris. / Barré R., V. Hernandez, J-B. Meyer and D. Vinck (eds.), *Scientific Diasporas*, IRD, Paris, 2003.
- Krueger A., Lindahl M. Education for growth: Why and for whom? / *Journal of Economic Literature* 39, 2001 No. 4, December.
- Kuznetsov Y. Diaspora Networks and the International Migration of Skills / the World Bank, Washington, DC, 2006.
- Liu N. Research Universities in China: Differentiation, Classification, and Future World-Class-Status, in Philip G. Altbach and Jorge Balán (Eds) / *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.
- Lowell L. Policy Responses to the International Mobility of Skilled Labour // *International Labour Office*, Geneva, International Migration Branch. *International Migration Paper* 45, 2001.
- Ma W. The Flagship University and China's Economic Reform / in Philip G. Altbach and Jorge Balán (eds), *Transforming Research Universities in Asia and Latin America: World Class Worldwide*, Johns Hopkins University Press, Maryland, 2007.
- MacRae M., Wight M. A Model Diaspora Network: The Origin and Evolution of Globalscot / Kuznetsov E. (ed.), *Diaspora Networks and the International Migration of Skills*, 2006.
- Marginson S., van der Wende M. Globalization and Higher Education // *OECD Education Working Papers*. 2007. No. 8.
- Meyer, J-B., Brown M. Scientific diasporas: a new approach to the brain drain. Management of social transformations – MOST, Discussion Paper No. 41. 1999. Prepared for the Conference on Science, UNESCO-ICSU.
- Meyer J.-B., Brown M. Scientific Diasporas: A New Approach to the Brain Drain, Management of Social Transformations // MOST, Discussion Paper No. 41, Prepared for the World Conference on Science, UNESCO – ICSU, Budapest, Hungary, 26 June -1 July 1999.
- Mincer J. Schooling, Earnings and Experience. NY: Columbia U. Press, 1974.
- Mountford A. Can a brain drain be good for growth in the source economy? // *Journal of Development Economics*, Volume 53, 2, 1997.
- Musselin Ch. European Academic Labor Markets in Transition // *Higher Education*, No. 49, 2000.
- Portes A. Determinants of the Brain Drain / Kubat D. (ed) *The Politics of the Return: International Return Migration in Europe*. Centre for Migration Studies New York, 1976.
- Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora, Indian Council of World Affairs. New Delhi, 2001.
- Saint-Paul G. The Brain Drain: Some Evidence from European Expatriates in the United States. IZA discussion paper No. 1310, 2004.
- Saxenian A. From Brain Drain to Brain Circulation: Transnational Communities and Regional Upgrading in India and China // *Studies in Comparative International Development*, vol. 40, Summer 2005.

- Seguin, B., Singer, A., Daar, A.* Science community: Scientific Diasporas. 2006. Science 312\5780.
- Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A.* A brain gain with a brain drain // Economics Letters, Vol. 55, 2, 1997.
- Stark O., Helmenstein C., Prskawetz A.* Human capita formation, human capital depletion, and migration: a blessing or a 'curse'?. Economics Letters, Volume 60, 3, 1998.
- Stephan, P., Levin S.* Exceptional Contributions to US Science by Foreign Born and Foreign Educated, Population Research and Policy Review, 20 (1-2), april 2001.
- Transnational capital: valuing academic returnees in a globalizing China (2005) in C. Li (ed.) Bridging Minds Across the Pacific: US-China Educational Exchanges, 1978–2003, Lexington, MA: Lexington Books.
- Tritah A.* The Brain Drain Between Knowledge Based Economies: The European Human Capital Outflow to the US, CEPPI Working Paper, 2008, No.8.
- Zweig D., Chung Siu Fung* Redefining the Brain Drain: China's 'Diaspora Option' // Center on China's Transnational Relations, Working Paper No.1. The Hong Kong University of Science and Technology, 2006.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

XII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»

5–7 апреля 2011 года в Москве состоится XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, проводимая Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда. Председателем Оргкомитета конференции является научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики профессор Е.Г. Ясин.

На пленарных заседаниях конференции 5 и 6 апреля планируются выступления руководителей Правительства Российской Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, представителей Всемирного банка, Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития, руководителей крупнейших российских и иностранных компаний.

Специальные темы конференции: **«Мировой экономический кризис и перспективы модернизации в России»** и **«Качество и образ жизни: изменение во времени и в пространстве»**. Специальным темам конференции будут посвящены пленарные заседания 5 и 6 апреля, а также отдельные почетные доклады, секции и круглые столы.

5–6 апреля после пленарных заседаний и 7 апреля в течение всего дня будут проводиться сессии с представлением научных докладов и экспертные круглые столы по актуальным проблемам развития экономики. Секционные заседания и заседания круглых столов в рамках конференции будут посвящены следующим темам:

- Макроэкономика и экономический рост
- Качество государственного управления
- Фирмы и рынки
- Наука и инновации
- Банки и финансы
- Экономика и право
- Мировая экономика и политика
- Гражданское общество и демократия
- Политические процессы
- Демография и рынки труда
- Региональное развитие
- Экономика города
- Теоретическая экономика
- Экономическая история
- Социально-культурные процессы
- Социальная политика
- Социология
- Развитие образования
- Социально-экономические проблемы здравоохранения

Авторы заявок на участие с докладами могут не ограничиваться этими тематическими направлениями, но при отборе заявок Программный комитет будет отдавать приоритет тем заявкам, которые имеют отношение к указанным выше темам.

Доклад, заявляемый на конференцию, должен содержать результаты оригинального научного исследования, выполненного с использованием современной исследовательской методологии. Продолжительность презентации доклада на сессии – 15–20 минут. Выступления в рамках экспертных круглых столов, как правило, ограничиваются 5–7 минутами.

С учетом поступивших заявок на выступления будут сформированы программы секций и круглых столов. Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет – Высшую школу экономики с 10 сентября 2010 года до 16 ноября 2010 года. Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

Рабочими языками конференции являются русский и английский. Пленарное и большинство секционных заседаний будут сопровождаться синхронным переводом.

Заявки на выступление в качестве индивидуальных докладчиков на сессиях следует направлять в Национальный исследовательский университет – Высшую школу экономики **с 10 сентября 2010 года до 16 ноября 2010 года**. Регистрация заявок в режиме on-line проводится по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

В заявке должны быть указаны фамилия, имя, отчество докладчика, место работы и должность, контактный адрес, телефон, факс и электронная почта, название предлагаемого доклада. К заявке должна быть приложена развернутая аннотация предполагаемого выступления в формате Word или RTF объемом от 1 до 3 машинописных страниц через 1,5 интервала (до 7 000 знаков). В аннотации должны быть раскрыты тема, показана степень разработанности проблемы, даны характеристики исследования (теоретическая или эмпирическая работа, на какой информационной базе), а также должны быть изложены основные полученные результаты. Заявки с аннотациями, не отражающими основных положений выступления, а также объемом менее 1 страницы, не рассматриваются. Авторы доклада могут сообщить о своем желании участвовать в симпозиумах по специальным темам конференции.

Группа авторов индивидуальных заявок, зарегистрированных в режиме on-line, **до 16 ноября 2010 года** может сообщить в Программный комитет конференции о своем желании представить свои доклады в рамках одной сессии. Соответствующее письмо должно быть направлено на адрес interconf@hse.ru и должно содержать информацию о названии сессии, авторах и темах докладов (не более 3–4, уже зарегистрированных в качестве индивидуальных заявок), а также фамилию, имя, отчество и контактные данные (телефон и адрес электронной почты) предполагаемого руководителя сессии. Продолжительность сессии 1,5 часа. Предложения по формированию сессий могут быть учтены Программным комитетом на этапе экспертизы заявок и формирования программы конференции.

Решение Программного комитета о включении докладов в программу конференции будет принято **до 20 января 2011 года** на основании экспертизы с привлечением независимых экспертов.

Авторы докладов, включенных в программу конференции, должны **до 15 февраля 2011 года** представить полный текст доклада (объемом до 20 тыс. знаков, включая пробелы, в формате Word, RTF или PDF) для размещения на сайте конференции. Окончательные версии докладов должны быть представлены **до 16 мая 2011 года**. Решение об их публикации в сборнике материалов конференции принимается редколлегией сборника с учетом результатов рецензирования.

Участникам из стран СНГ и Восточной Европы, приглашенным выступить с докладами, может быть предоставлен грант Представительством Всемирного банка в Москве с целью компенсации расходов по участию в конференции.

Заявки на участие в конференции без доклада принимаются в режиме on-line **с 17 ноября 2010 года до 10 марта 2011 года** по адресу: <http://conf.hse.ru/>

Организационный взнос за участие в конференции составляет:

	Для российских участников	Для иностранных участников		Для российских и зарубежных студентов и аспирантов
		Развитые страны	Развивающиеся страны, СНГ и ЦВЕ	
до 15.02.2011 г.	1000 руб.	100 долл США	70 долл. США	200 руб.
до 4.04.2011 г.	1500 руб.	150 долл. США		300 руб.
с 5.04.2011 г.	2000 руб.	170 долл. США		500 руб.

Банковские реквизиты счетов, на которые должен быть переведен организационный взнос, **с 10 сентября 2010 года** будут доступны по адресу: <http://conf.hse.ru/>.

От уплаты организационного взноса освобождаются почетные гости конференции, работники федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также лица, специально приглашенные Оргкомитетом конференции.

С программами и материалами I–XI международных научных конференций (2000–2010 гг.) можно ознакомиться на сайте: <http://conf.hse.ru/2010/history>.

Оргкомитет конференции